

Введение

24 января 2020 года впервые в нашей полной событиями жизни моя супруга и я оказались в Новом Свете. Воспользовавшись приглашением постоянного наблюдателя от Ватикана при ООН и организации Pave the Way, я приехал в Нью-Йорк и оказался в компании выдающихся исследователей, собравшихся на конференцию «Пий XII и римские евреи», которая проходила в рамках Международного дня памяти жертв Холокоста, провозглашенного ООН. В столовой отеля телевизор непрерывно вещал о возрастающей тревоге в связи с распространением коронавируса в Америке.

Годом ранее папа Франциск объявил о рассекречивании архивов Ватикана, касавшихся понтификата Пия XII. Подбадриваемый друзьями и коллегами, я решился взяться за книгу — признаться, эта мысль возникла у меня несколько ранее, но окончательно меня подтолкнули к ее написанию начавшаяся пандемия и последовавшая за ней самоизоляция.

Так совпало, что как раз в это время в Германии скончался Рольф Хоххут, автор знаменитой пьесы *Der Stellvertreter* («Наместник»). Пьеса, задуманная и профинансированная советскими спецслужбами, была поставлена в Берлине в 1963 году и затем переведена почти на все европейские языки. Предложенная в ней интерпретация, порочившая деятельность Пия XII в годы войны, всего за несколько месяцев распространилась по миру подобно смертоносному вирусу. Соблазнительный антагонизм, которым преисполнено произведение, способствовал превращению театрального вымысла в «историческую фальсификацию».

Необходимо при этом отметить: «Наместник» остается шедевром советских спецслужб.

Деятельность Пия XII во время Второй мировой войны, которую в первые послевоенные годы высоко оценивали самые высокопоставленные еврейские политики и общественные деятели по всему миру, была предана позору. «Обвинение в молчании», предъявленное Пию XII в этой пьесе, уже звучало в прессе Советского Союза и социалистических стран в начале холодной войны, но теперь оно получило широкое хождение и на Западе. По разным причинам оно прижилось и долго эксплуатировалось. Тон обсуждения деятельности понтифика был задан на годы вперед.

В январе 1964 года папа Павел VI по завершении своей первой поездки за рубеж, в ходе которой он посетил Иорданию и Израиль, ответил на обвинения в адрес Пия XII, что чуть было не спровоцировало дипломатический инцидент. Исходя из базового нравственного принципа любого историка, он заявил: «...История, а не искусственная манипуляция фактами и их предвзятая интерпретация, пример которой можно видеть в пьесе “Наместник”, установит истину относительно деятельности Пия XII против преступлений нацистского режима во время последней войны и покажет, сколь бдительными, милосердными и отважными были его поступки в подлинных обстоятельствах тех лет»^{1*}.

Напомним, что папа Павел VI был ключевым участником и свидетелем будней ватиканской дипломатии во время Второй мировой войны. С декабря 1937 года он был заместителем государственного секретаря Эудженио Пачелли, будущего Пия XII. Позднее он так отозвался об этом человеке, с которым работал бок о бок в течение двух десятилетий: «...мягкие черты его облика и всегда склонная к сдержанности манера общения скрывали благородный и сильный дух и большую нравственную силу, способность отстаивать свою точку зрения даже тогда, когда это было сопряжено с риском. Неправильно говорить, что он был холоден и нелюдим. На самом деле это был очень тонкий и чувствительный человек. Он любил уединение, потому что его духовное богатство и невероятная склонность к размышлению и к труду

* Все примечания, отмеченные цифрой, см. в конце книги. Здесь и далее в пограничных сносах — примечания редактора.

требовали неукоснительно избегать бесплодных увлечений и увеселений; но он не чуждался жизни, не был безразличен к окружающим его людям и всегда старался быть в курсе происходившего вокруг и принимать участие в истории, частью которой он себя ощущал, пусть даже это заставляло его страдать»².

Неудивительно, что Павел VI поручил четверем иезуитам — Пьеру Бле, Роберту Э. Грэмму, Анджело Мартини и Бернхарду Шнайдеру — ответить на очерняющие образ Пия XII обвинения публикацией документов о политике и дипломатии Святого Престола. Так появились «Акты и документы Святого Престола, касающиеся Второй мировой войны», однако их, как и Пия XII, ждала незавидная судьба: сразу после публикации они подверглись острой критике за допущенные лакуны. Не так давно сторонники теорий заговора необоснованно обвинили четырех иезуитов в сознательном исключении из сборника некоторых документов³.

Когда и при каких обстоятельствах Пий XII появился в моей жизни? До приезда в Рим я изучал философию, религиоведение и богословие в Католическом университете Лувена в Бельгии. В 1988 году мой интерес к итальянскому Возрождению и особенно к кружкам неоплатоников при дворе Медичи во Флоренции привел меня в Рим, где я начал изучать церковную историю в Папском Григорианском университете, которым управляют иезуиты.

Где-то в 1990-х годах близкий друг нашей семьи привез мне в Рим подарок — книгу Алексиса Кюрвера «Пий XII, оскорбленный папа», опубликованную в Париже в 1964 году. Она перевернула все мои представления о Пие XII и его репутации и зародила во мне стойкое предчувствие, которое со временем только укреплялось. Дело довершила работа «Пий XII и Вторая мировая война по материалам ватиканских архивов», изданная в 1997 году одним из моих иезуитских преподавателей, отцом Пьером Бле.

В 2000 году я начал работать в Историческом архиве Конгрегации доктрины веры, архивах Римской инквизиции и Конгрегации индекса запрещенных книг. Пять лет спустя меня назначили архивариусом при Историческом архиве Апостольской пенитенциарии, где я с удовольствием занялся подготовкой этого важного собрания документов к выставке в учебном зале Дворца канцелярии. В 2010 году мне предложили возглавить Исторический архив Второй секции по отношениям с государствами Государственного

секретариата Святого Престола, аналога министерства иностранных дел на службе у папы. Чтобы завершить картину моих связей с Пием XII, следует добавить еще одну деталь: с 2000 по 2018 год я также был архивариусом папского института Санта-Мария-дель-Анима, где хранятся бесценные сокровища, связанные с историей Рима, в том числе тысячи документов монсеньора Алоиза Худала, австрийца, который был ректором этого института в годы Второй мировой войны и оставил по себе противоречивую память.

У архивариусов и историков документы часто вызывают то, что Джон Китс называл «вечной радостью». У меня до сих пор пробегают мурашки по коже всякий раз, когда я вхожу в большое архивное хранилище и провожу рукой по документам. Прошло уже столько лет, а я все еще не пресытился своей работой. Однако документы, хранящиеся в исторических архивах Государственного секретариата, совершенно уникальны: благодаря вселенскому характеру католической Церкви они предлагают богатую пищу для размышлений об истории всех стран мира.

Работы Пьера Бле, Рональда Рыхлака, Михаэля Хеземана или пармского профессора Алессандро Дуче стали важными вехами в изучении деятельности Пия XII в годы войны. Они открыли — насколько это было возможно в то время — завесу тайны над деятельностью Государственного секретариата и отдела отношений с государствами, но при этом оставили за рамками рассмотрения личности участников Бюро. Из-за этого история оставалась неполной, сжатой: «Акты и документы», основной источник, содержали лишь официальную переписку. Где находились настоящие участники событий, которых Рольф Хоххут вывел на театральную сцену? Что на самом деле проходило за кулисами официальной дипломатии Ватикана? Какие люди и события не были даже упомянуты в пьесе Хоххута?

Возможно ли сегодня вернуться к подлинной истории, очищенной от мишуры этого опереточного вымысла? Дать слово настоящим документам и воссоздать образ тех, кто их писал, задумывал и хранил? Смогут ли эти документы вернуть голос персонажам пьесы Хоххута, показать их намерения и честность, очистить их от очернения позднейшей литературы, дать свободу их словам, восстановить язык исторических деятелей в том виде, в котором он звучал тогда, дойти до их самых сокровенных мыслей и разбить

старые оковы из чернил и бумаги, тяготившие их долгие десятилетия? Получится ли превратить этих персонажей в людей из плоти и крови, дать им развиваться не на сцене, а в их непосредственной среде, которую образовывали кабинеты, приемные и президентские люксы в столицах, римские базилики и Апостольский дворец в Ватикане? Тогда сможет начаться подлинный театр.

Преследуя эту цель, я отобрал ряд еще не изданных документов в гигантском историческом архиве отдела отношений с государствами Государственного секретариата. При этом я прекрасно понимал, что другие архивы, будь то в Ватикане или за его пределами, таят в себе новые исторические открытия.

Рассекречивание архивов Святого Престола времен понтификата Пия XII может вернуть к жизни «подлинных участников событий», но как работать с миллионами документов, которые находятся в нашем распоряжении? Я вдохновлялся примером куда более талантливого и одаренного по сравнению со мной автора, которого считают одним из «трех венцов» итальянской литературы наряду с Данте и Петраркой. В 1348 году Италию и всю Европу охватила эпидемия бубонной чумы. Охваченные отчаянием люди пытались самоизолироваться. Среди них оказались десять рассказчиков, выведенных Джованни Боккаччо в его великолепном «Декамероне». Эти молодые люди, укрывшиеся от заразы на загородной вилле, поочередно делятся своими историями с друзьями.

Будучи *fiammingo a Roma*, фламандцем в Риме, я уже более тридцати лет нахожусь в добровольной «ссылке в Италию», и тема разлуки с домом мне близка. Для меня естественно черпать вдохновение в этом шедевре итальянской литературы. Есть ли совпадение в том, что текущая пандемия заставила нас — наши семьи, друзей, коллег — жить в заточении? И поскольку я не так молод, как рассказчики Боккаччо, меня увлекла мысль позаимствовать у них лиру и изложить мои рассказы и истории так, как если бы я рассказывал их близкому другу.

Этим объясняется мое решение поведать об этих эпизодах недавнего прошлого в несколько необычной форме историй и рассказов — именно такие названия получили главы моей книги. Это решение повлекло за собой еще одно: расположение историй и хроник не подчиняется хронологическому порядку, что позволяет осветить ту или иную тему под разным углом и при разных

обстоятельствах. В рассказах развивается определенная тема, а в историях изложены «случаи из жизни» евреев, крещеных и некрещеных, которые обратились за помощью к Пию XII. Рассказы основаны на определенной подборке источников из Исторического архива Второй секции по отношениям с государствами Государственного секретариата; истории написаны по материалам *Serie Ebrei*, которую можно также называть «списком Пачелли». В этой особой архивной серии учтены все евреи, крещеные или нет, которые получили помощь Бюро. Читайте эту книгу так, как если бы вы слушали «Картинки с выставки» Мусоргского, но при этом помните, что персонажи, беседы и ситуации имели место в исторической действительности.

Разумеется, рассказы и истории не могут передать все многообразие тех зачастую поразительных фактов, что таит Исторический архив. Однако и книга, которую вы держите в руках, не претендует на звание учебника истории. Единственная ее цель заключается в том, чтобы вернуть к жизни — насколько это возможно — действующих лиц Бюро путем обращения непосредственно к источникам, а не к послевоенной литературе и исследовательским интерпретациям. Я хотел дать слово документам — пусть они задают ритм и устанавливают правила.

Мои рассказы и истории открывают двери в кулуары и кабинеты министерства иностранных дел Ватикана и посольств (нунциатур). Читатель узнает, как на папской службе, чаще всего — «без лишнего шума», ежедневно трудились преданные делу люди, защищавшие христианские принципы. Вместе мы перелистаем эти уникальные политические, дипломатические и исторические документы. Для вас, читателей, такое погружение станет уникальным шансом, который обычно предоставляется только ученым...

Оказавшись в Историческом архиве Государственного секретариата, вы узнаете о том, как папа организовал подпольную систему ходов, по которым люди бежали от грозившей им опасности, и руководил сеть священников, действовавших по всей Европе с одной единственной целью — спасти жизни всякий раз, когда это было возможно. Насколько мне известно в рамках моих компетенций, государственный секретариат Ватикана был единственным в мире министерством иностранных дел, при ко-

тором существовали и специализированный отдел, и настоящая международная сеть, призванные помогать тем, кто подвергался преследованиям в годы Второй мировой войны. Лучшим доказательством тому сегодня служит Serie Ebrei. Недавно рассекреченные документы позволят по-новому взглянуть на влияние папы Пачелли и на сложную сеть отношений, которую он создал в оккупированной нацистами Европе. Прежде всего они расскажут нам о Бюро, ближайшем окружении понтифика, состоявшем из доверенных соратников, каждый из которых, обладая своими личными достоинствами и недостатками, помогал его деятельности подчас в ущерб своим собственным интересам.

Неопубликованные документы Пия XII и его Бюро служат противовесом тем ошибочным сведениям, которые многие приняли за раз и навсегда установленную истину. Никто не совершенен — даже самые почитаемые и любимые святые. Но все мы имеем право на достойную и правдивую память по себе. Эта книга расскажет о человеке, который нес бремя своей должности и служил идеалам католической Церкви и заветам Христа в эпоху, когда многие могли вполне обоснованно поставить под вопрос существование Бога.

Бюро

Папа Пий XII (в миру Эудженио Пачелли)

Его Высокопреосвященство Луиджи Мальоне,
государственный секретарь

Его Превосходительство монсеньор Доменико Тардини,
секретарь по чрезвычайным церковным делам

Монсеньор Джованни Баттиста Монтини,
заместитель госсекретаря по общим вопросам и секретарь шифрбюро

Монсеньор Джузеппе Малузарди,
заместитель секретаря по чрезвычайным церковным делам

Команда

Монсеньор Джулио Барбетта,
минутант, административный сотрудник

Монсеньор Анджело Делл'Аква,
советник нунциатуры, административный сотрудник

Монсеньор Джузеппе Ди Мельо,
референт нунциатуры 1-го класса, административный сотрудник

Монсеньор Антонио Саморе,
референт нунциатуры 2-го класса, административный сотрудник

Монсеньор Пьетро Сиджизмонди,
референт нунциатуры 2-го класса, административный сотрудник

Монсеньор Армандо Ломбарди,
референт нунциатуры 2-го класса, административный сотрудник

Монсеньор Коррадо Бафиле,
секретарь нунциатуры 1-го класса, административный сотрудник

Внешние участники

*Монсеньор Бернардини, монсеньор Бурцио, монсеньор Кассуло,
монсеньор Хёрли, монсеньор Орсениго, Карло Пачелли,
монсеньор Ронкалли, монсеньор Ротта, монсеньор Валери,
сестра Шлахта, отец Мустерс и многие другие...*

– 1 –

Рассказ о двух безумцах, пропавших девушках и посреднике

Вилла Бергхоф, Оберзальцберг, Баварские Альпы, 28 июля 1940 года.

Зеленый ковер, покрывавший альпийские склоны, был усеян яркими цветами. В воздухе, напоенном ароматом сосен, разносилось пение птиц. Посреди живописного пейзажа с горами и густыми лесами стояла уединенная вилла из дерева и камня.

В этом идиллическом мирном краю встретились четыре политических руководителя в сопровождении помощников. Сняв пиджаки, они сидели за уставленным кофейными чашками столом и оживленно разговаривали. Их беседа, проходившая далеко не в мирном ключе, касалась очередной европейской страны, на которую вот-вот должна была обрушиться буря, и предвосхищала один из самых мрачных и жестоких эпизодов Второй мировой войны.

Президент Словакии, католический священник Йозеф Тисо, и его премьер-министр Войтех Лазар «Бела» Тука прибыли на встречу с Гитлером и Иоахимом фон Риббентропом, министром иностранных дел Германии. Переговоры в горах должны были заложить основы нового пакта. В политической жизни Словакии безраздельно господствовали сторонники национал-социализма; сопротивление нацизму и даже нейтралитет давно канули в Лету.

Когда словацкие газеты проведали о содержании той встречи, министр иностранных дел Словакии Фердинанд Дюрчанский, который не разделял идеи национал-социализма и потому не был приглашен на горную виллу, подал в отставку. Портфель министра иностранных дел отошел премьер-министру Туке. Это стало предвестием той узурпации власти, которую вскоре осуществили приближенные Тисо.

Представителем Святого Престола в Словакии был поверенный в делах монсеньор Джузеппе Бурцио. Будучи весьма скрупулезным чиновником, Бурцио собирал самые надежные материалы, касавшиеся ключевых изменений в Словакии: газетные статьи, сведения, не попавшие в печать, и случаи из жизни. Так было положено начало ряду очень подробных и крайне важных отчетов, которые он стал отправлять в Рим.

Один из первых отчетов датируется 7 августа 1940 года¹, но, поскольку охватившая Европу война сильно замедлила сообщение, в Рим он попал только через девять дней. В нем Бурцио передает государственному секретарю кардиналу Мальоне обескураживающие сведения о том, что в Государственный совет — высший законодательный орган Словакии — включены три приверженца нацизма: епископ Спиша монсеньор Ян Войташпак и еще два клирика. Каким бы удивительным это не казалось, но в те годы в Словакии замещение духовенством государственных должностей считалось нормой — традиция была настолько укоренена, что даже президент был священником. Но назначение на высокие посты лиц, тесно связанных с нацистами, стало беспрецедентным событием, которое могло повлечь за собой непредсказуемые последствия. По всей Европе епископы и священники оказывали нацизму деятельное сопротивление, зачастую рискуя собственными жизнями, и такая из ряда вон выходящая ситуация вызвала в церкви серьезные разногласия.

Кроме того, она создала большую проблему для Святого Престола.

Монсеньор Бурцио отмечал, что должности, на которые были назначены эти лица, были скорее «почетными», хотя, «учитывая сложившиеся обстоятельства, они могут быть сопряжены с политической и нравственной ответственностью»². И было ясно, что такая ответственность возлагалась на людей опасных.

Статья из газеты «Гренцботе», в которой сообщается о том, что Тука сменил Дюрчанского на посту министра иностранных дел³

Однако в Риме об этих тревожных событиях стало известно еще до отчетов Бурцио. В середине августа монсеньор Войташшак отправил в курию письмо с просьбой дать ему *benestare* («разрешение») на занятие предложенной должности⁴. Узнав о поступке Войташшака, потрясенный кардинал Мальоне набросал на отчете Бурцио короткий вопрос: «*Quid agendum?*» («Что делать?»), после чего отправил его Пию XII.

Материалы Исторического архива не оставляют сомнений, каким было отношение Пия XII к епископу, который погряз принципы христианской веры, милосердия и справедливости ради сотрудничества с нацистами. Монсеньор Тардини, секретарь Бюро, отразил душевное состояние Пия XII во время аудиенции 20 августа 1940 года в разборчиво написанной карандашной пометке: «*Святой отец не без беспокойства наблюдает...*»⁵.

Ответ, который Бурцио получил из Рима, был категоричен: «*...оставаясь в рамках протокола, дайте четко понять епископу Сцезузио [Спиша]*, что Святой Престол не без беспокойства наблюдает за тем, как в текущих обстоятельствах представители клира занимают должности, возлагающие на них политическую и нравственную ответственность*»⁶.

Как и всегда, эти предписания преисполнены дипломатической сдержанности. Однако выражение папы «не без беспокойства наблюдает» и повтор слов самого Бурцио о «политической и нравственной ответственности» отчетливо показывают, что решение Войташшака вступить в эту должность было воспринято далеко не однозначно. Бурцио донес содержание письма до Войташшака и добавил от себя лично, что «*священникам неуместно занимать посты в учреждениях и правительстве*»⁷.

Однако 13 августа Войташшак направил папе Пию XII другое официальное письмо, в котором содержалась «сми-

* Здесь и далее в квадратных скобках — примечания автора.

ренная просьба» разрешить ему занять новый пост, и сознательно преуменьшил его значение, поскольку пост представлял собой лишь «почетную должность»⁸. Войташшак благоразумно не упомянул того факта, что членов Государственного совета постоянно призывали голосовать за конкретные меры против евреев. Это письмо было доставлено монсеньору Бурцио и переправлено в курию 21 августа — в тот день, когда она дала свой отрицательный ответ на первый запрос Войташшака.

Впрочем, в Риме еще не знали, что 6 августа, за неделю до отправки папе своей «смиренной просьбы», Войташшак, не дожидаясь разрешения Святого Престола, самоуверенно согласился вступить в должность и принес присягу как член Государственного совета. Со «смиренной просьбой» к папе он обратился уже после принятия решения. Иными словами, он солгал. В таком поведении можно усмотреть расчетливый ход Войташшака и его присных с целью добиться у Ватикана письменного согласия — нацисты и фашисты не преминули бы извлечь выгоду из такого трофея.

После того как 21 августа Святой отец ясно обозначил, что «священникам неуместно занимать государственные должности», монсеньор Войташшак должен был бы подчиниться и добровольно отказаться от поста.

Но что делать, когда обнаруживаешь, что тебя предали свои же? Святой Престол, несомненно, был раздосадован, оказавшись поставленным перед фактом, но ему ничего не оставалось, как смириться с этим. Поэтому ответ, отправленный из Рима 9 сентября 1940 года, был вежливым, но сухим: «Его Святейшество сообщает, что не противится тому, что монсеньор Войташшак принял назначение на должность члена Государственного совета»⁹.

Эту формулировку стоит пояснить. Обычно свое согласие на тот или иной запрос папа выражает словами *nulla osta*, которые означают, что у него нет возражений. В данном случае папа ограничился тем, что не стал противиться —

на дипломатическом языке это значит, что он при этом не одобряет таких действий.

В целом Святой Престол не может вмешиваться в вопросы управления или субординации другого государства. Кроме того, согласно прежнему Кодексу канонического права утверждение священников на государственные посты относилось к прерогативам местного епископата, а не понтифика или его дикастерий¹⁰. Не приходится сомневаться, что многие в римской курии хотели бы вмешаться в критическую ситуацию, но правила этого не позволяли.

Дав намеренно сухой ответ, Святой Престол преследовал цель не скомпрометировать себя. А его составители, упомянувшие только Войташшака, старались не создавать прецедента, которым впоследствии могли бы воспользоваться другие священники, относившиеся к нацистам с симпатией.

На той же неделе поверенный в делах в Братиславе монсеньор Бурцио отправил в Рим новый отчет¹¹, в котором дал свой личный анализ последствий официальной встречи между президентом Тисо и Гитлером. По мнению Бурцио, нацисты стали обхаживать Тисо после того, как разочаровались в словацком правительстве, прежде всего в бывшем министре иностранных дел Дюрчанском, который попытался сохранить независимость Словакии и ограничить меры против евреев. *«Нацистские руководители обвинили господина Дюрчанского в попытках защитить евреев — именно в этом некоторые наблюдатели усматривают подлинную причину его отставки»*, — пишет Бурцио. И делает мрачный прогноз: теперь, после ухода Дюрчанского, против евреев *«очень скоро будут приняты радикальные меры»*¹².

Проявляя недюжинную проницательность в политических вопросах, Бурцио также предположил, что новое словацкое правительство намерено очистить страну от всякой просоветской пропаганды. В соответствии с новыми законами, которые власти приняли, чтобы запугать население и получить предлог для ареста политических оппонентов,

любой подозреваемый в симпатиях к коммунистам отныне считался преступником. В Риме эту антикоммунистическую линию словацкого правительства некоторые восприняли с удовлетворением, однако у других она вызывала все большее беспокойство.

Впоследствии мрачные предсказания Бурцио сбылись с той поправкой, что сначала репрессии обрушились не на евреев, а на адвентистов седьмого дня и протестантов. По данным Бурцио, в преимущественно католической Словакии эти новые меры преследовали не столько религиозные, сколько националистические цели. При этом словацкие граждане чешского происхождения, более разнородные в религиозном плане и по большей части протестанты, вызывали особую, слепую, ненависть — *odium sacrorum*¹³.

В своем дальновидном отчете Бурцио задается вопросом: *«Как долго политические убеждения и в первую очередь совесть священника позволят Тисо ходить за ручку с вождами национал-социализма?»*

Он убежден — хотя, быть может, это было лишь благое пожелание, — что Тисо ведет стратегическую игру: *«Рассчитывая спасти то, что можно спасти, и надеясь, что применение нацистских методов не будет доведено до крайности»*. В то же время, смутно предчувствуя грядущие ужасы, он заключает: *«Только будущее покажет нам, верны ли эти расчеты»*¹⁴.

Бурцио хорошо понимал, что Словакия с ее мощной промышленностью представляла для Германии не идеологический, а экономический интерес. Поэтому следующей целью должны были стать предприятия, принадлежавшие евреям. Бурцио сообщает, что еврейских коммерсантов и промышленников обязали повесить на видные места таблички «Еврейское предприятие» или «Еврейский магазин». Некогда тихие бульвары, где словаки могли прогуливаться и совершать покупки, теперь обезображены отметиной нацистской сегрегации и ненависти. Бурцио пишет: *«Люди с удивлением*

обнаруживают, что вся экономическая жизнь страны находилась в руках у евреев, и говорят, что не так уж плохи законы, несколько ограничивающие это засилье». Проблема лишь в том, что «к сожалению, принятые меры выходят далеко за рамки справедливости и направлены на полное исключение евреев из социальной и экономической жизни страны. Все это делается в интересах не словаков, а немцев, которым достанутся все источники дохода и благосостояния, прежде принадлежавшие евреям»¹⁵.

Далее приводится список самых жестких мер по отношению к еврейскому населению: «Закрываются все общественные места (еврейские); запрещено нанимать домработниц-христианок младше сорока лет; недвижимост и все имущество подлежат декларированию и регистрации; запрещено посещать средние школы и вузы, равно как и организовывать или учреждать подобные заведения, вследствие чего еврейская молодежь теперь будет получать только начальное образование».

Запрет на среднее и высшее образование для еврейских детей немедленно создал «проблемы церковным властям, поскольку в случае строгого исполнения всех этих законов многим детям-католикам еврейского происхождения придется перейти из католических начальных школ в организованные для евреев. А дети, которые уже получали среднее или высшее образование, должны будут прервать обучение»¹⁶.

Далее Бурцио мрачно предсказывает, что в ближайшее время будет объявлено о еще более жестоких мерах, «касающихся брачного законодательства». У Святого Престола возможное вмешательство государства в таинство брака вызывало большое беспокойство. Подобные посягательства, задача которых была ослабить, а то и вовсе разорвать священные узы между двумя людьми, были пощечиной католической вере. Бурцио надеялся, что словацкие епископы будут придерживаться «единой твердой линии против» любых

законодательных актов, касающихся «межрасовых» браков. Вместе с тем он понимал, что это маловероятно, поскольку словацкое духовенство разделилось на сторонников и противников нацистов.

Мы знаем, что Пий XII был обеспокоен отчетом Бурцио, потому что Мальоне в своем ответе попросил Бурцио и дальше докладывать в Рим о развитии событий и особенно о позиции словацких епископов и о *«мерах, которые эти епископы будут принимать для защиты права молодых католиков, в том числе неарийского происхождения, на получение образования в рамках своей веры»*¹⁷. Используемые Мальоне выражения ясно указывают на то, что автор этих инструкций был сам Святой отец. На мой взгляд, это еще одно неопровержимое доказательство того факта, что Пий XII не придавал ни малейшего значения этническому происхождению людей.

* * *

Во мрак Словакия погружалась постепенно. 8 октября 1940 года, выступая перед двадцатью тысячами католических паломников близ города Жилины на севере страны, президент Тисо произнес речь, в которой попытался оправдать антисемитские меры правительства¹⁸. Дерзнув заявить, что в былые времена у евреев были прекрасные руководители, он затем сознательно исказил одну из заповедей Моисея, заявив, что тот повелел своему народу каждые пятьдесят лет возвращать нажитое¹⁹. На самом деле Моисей говорил о том, что все имущество, нажитое нечестным путем, должно быть возвращено законному владельцу. Тем самым Тисо пытался доказать, что Словакия имела право принудить евреев вернуть несправедливое богатство согласно принципам самого иудаизма. Он назвал это очевидным доказательством того, что еврейский народ забыл собственные заповеди. Поэтому,